Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Рассказ о двух везирях и Анис аль-Джалис

Дошло до меня, о счастливый царь, – сказала Шахразада, – что был в Басре царь из Царей, который любил бедняков и нищих и был благосклонен к подданным и одаривал из своих денег тех, кто верил в Мухаммеда, да благословит его Аллах и да приветствует! И он был таков, как сказал о чем один:

Повелитель ваш, если конный враг кружит вокруг него,

Поражает рать неприятелей острорежущим,

И в сердцах копьем он черты проводит. Столь гневен оп,

Когда видишь ты, как он всадников под щитом разит.

И звали его царь Мухаммед ибн Сулейман аз-Зани, и у него было два везиря, один из которых прозывался аль Муин ибн Сави, а другого звали аль-Фадл ибн Хакан. И аль-Фадл ибн Хакан был великодушнейший человек своего времени и вел хорошую жизнь, так что сердца соединились в любви к ному, и люди единодушно советовались с ним, и все молились о его долгой жизни – ибо в нем было чистое добро и он уничтожил зло и вред.

А везирь аль-Муин ибн Сави ненавидел людей и не любил добра, и в нем было одно зло, как о нем сказано:

Прибегай к достойным сынам достойных, – поистине,

Породит достойный и сын достойных-достойных.

И оставь злодеев, сынов злодеев, – поистине,

Породят злодеи, сыны злодеев – злодеев.

И люди, насколько они любили аль-Фадла ибн Хакана, настолько ненавидели аль-Муина ибн Сави.

И властью всемогущего случилось так, что царь Мухаммед ибн Сулейман аз-Зейни однажды сидел на престоле своего царства, окруженный вельможами правления, и позвал своего везиря аль-Фадла ибн Хакана и сказал ему: "Я хочу невольницу, которой не было бы лучше в ее время и чтобы она была совершенна по красоте и превосходила бы других стройностью и обладала похвальными качествами".

И вельможи правления сказали: "Такую найдешь только за десять тысяч динаров". И тогда султан крикнул своего казначея и сказал: "Отнеси десять тысяч динаров аль-Фадлу ибн Хакану!" – и казначей исполнил приказание султана.

А везирь ушел, после того как султан велел ему ходить каждый день на рынок и передать посредникам то, что мы говорили, и чтобы не продавали ни одной невольницы выше тысячи динаров ценою, пока ее не покажут везирю. И невольниц не продавали, прежде чем их покажут везирю, но никакая невольница, что попадала к ним, не нравилась ему.

В один из дней вдруг пришел ко дворцу везиря альФадла ибн Хакана посредник и, у видя его на коне, въезжающим в царский дворец, схватил его стремя и сказал:

"О ты, кто обычай царства снова воссоздал!

Везирь – о, да будешь ты обрадован вечно!

Умершую щедрость ты опять воскресил средь нас,

Да будут труды твои Аллаху приятны!"

"О господин, – сказал он потом, – то, что отыскать было прежде благородное повеление, – готово!" – и везирь воскликнул: "Ко мне с нею!" И посредник на некоторое время скрылся, и пришла с ним девушка стройная станом, с высокой грудью, насурьмленным оком и овальным лицом, с худощавым телом и тяжкими бедрами, в лучшей одежде, какая есть из одежд, и со слюной слаще патоки, и ее стан был стройнее гибких веток и речи нежнее ветерка на заре, как сказал о ней кто-то:

Диковина прелести, чей лик, как луна средь звезд,

Великая в племени газелей и нежных серн.

Властитель престола дал ей блеск и возвышенность,

И прелесть, и ум, и стан затем, что похож на ветвь,

И в небе лица ее семь звезд на щеке у ней,

Как стражи ее хранят они от смотрящего.

И если захочет муж похитить хоть взгляд у ней

Сожгут его демоны речей ее жаром звезд.

И когда везирь увидал ее, он был ею восхищен до пределов восхищения, а затем он обратился к посреднику и спросил его: "Сколько стоит эта невольница?" – и тот ответил: "Цена за нее остановилась на десяти тысячах динаров, и ее владелец клянется, что эти десять тысяч динаров не покроют стоимости цыплят, которых она съела, и напитков, и одежд, которыми она наградила своих учителей, так как она изучила чистописание, и грамматику, и язык, и толкование Корана, и основы законоведения и религии, и врачевание, и времяисчисление, и игру на увеселяющих инструментах". "Ко мне с ее господином!" – сказал везирь, и посредник привел его в тот же час и минуту, и вдруг, оказывается, он человек из персиян, который прожил, сколько прожил, и судьба потрепала его, но пощадила, как сказал о нем поэт:

Потряс меня рок и как потряс-то!

Ведь року присуща мощь и сила.

Я раньше ходил не уставая

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Теперь же устал, хоть не хожу я.

"Согласен ли ты взять за эту невольницу десять тысяч динаров от султана Мухаммеда ибн Сулеймана аз-Зейни?" - спросил везирь, и персиянин воскликнул: "Клянусь Аллахом, я предлагаю ее султану ни за что - это для меня обязательно!" И тогда везирь велел принести деньги, и их принесли и отвесили персиянину.

И работорговец подошел к везирю и сказал ему: "С разрешения нашего владыки везиря, я скажу!" - "Подавай, что у тебя есть!" - ответил везирь, и торговец сказал: "По моему мнению, лучше тебе не приводить этой девушки к султану в сегодняшний день: она прибыла из путешествия, и воздух над нею сменился, и путешествие поистерло ее. Но оставь ее у себя во дворце на десять дней, пока она не придет в обычное состояние, а потом сведи ее в баню, одень ее в наилучшие одежды и отведи ее к султану - тебе будет при этом полнейшее счастье".

И везирь обдумал слова работорговца и нашел их правильными. Он привел девушку к себе во дворец и отвел ей отдельное помещение и каждый день выдавал ей нужные кушанья, напитки и прочее, и она провела таким образом некоторое время.

А у везиря аль-Фадла ибн Хакана был сын, подобный луне, когда она появится, с липом как месяц и румяными щеками, с родинкой, словно точка амбры, и с зеленым пушком, подобно тому, как поэт сказал о нем, ничего не упуская:

Он луна, что взором разит своим, когда всмотрится.

Или, как ветвь - губящая стройностью, когда склонится.

Как у зипджей [63] кудри, как золото цвет лица его,

Он чертами нежен, а стан его на тростник похож.

О жестокость сердца и нежность стройных боков его!

Отчего нельзя от сердца к стану послать ее?

Коль была бы нежность боков его в душе его,

Никогда бы не был жесток с влюбленным и злобен он.

О хулящий пас за любовь к нему, будь прощающим!

Кто отдаст мне тело, что взято в плен изнурением?

Виноваты здесь лишь душа и взоры очей моих;

Так забудь упреки, оставь меня в этой горести!

И юноша не знал об этой невольнице, а его отец научил ее и сказал: "О дочь моя, знай, что я купил тебя только как наложницу для царя Мухаммеда ибн Сулеймана аз-Зейни, а у меня есть сын, который не оставался на улице один с девушкой без того, чтобы не иметь с нею дело. Будь же с ним настороже и берегись показать ему твое лицо и дать ему услышать твои речи". И девушка отвечала ему: "Слушаю и повинуюсь!" - и он оставил его и удалился.

А по предопределенному велению случилось так, что девушка в один из дней пошла в баню, что была в их жилище, и одна из невольниц вымыла ее, и она надела роскошные платья, так что увеличилась ее красота и прелесть, и вошла к госпоже, жене везиря, и поцеловала ей руку, и та сказала: "На здоровье, Аниз аль-Джалнз! Хороша ли баня?" - "О госпожа, - отвечала она, - мне недоставало только твоего присутствия там". И тогда госпожа сказала невольницам: "Пойдемте в баню!" - и те ответили: "Внимание и повиновение" И они поднялась, и их госпожа меж ними, и она поручила двери той комнаты, где находилась Анис аль Джалис, там маленьким невольницам и сказала им: "Не давайте никому войти к девушке!" И они отвечали: "Внимание и повиновение!"

И когда Анис аль-Джалис сидела в комнате, сын везиря, а звали его Нар-ад-дин Али, вдруг пришел и спросил о своей матери и о девушках, и невольницы ответили: "Они пошли в баню".

А невольница Анис аль-Джалис услыхала слова Нурад дина Али, сына везиря, будучи внутри комнаты, и сказала про себя: "Посмотреть бы, что это за юноша, о котором везирь говорил мне, что он не оставался с девушкой на улице без того, чтобы не иметь с ней дело! Клянусь Аллахом, я хочу взглянуть на него!" И поднявшись (а она была только что из бачи), она подошла к двери комнаты и посмотрела на Нур-ад-дина Али, и вдруг оказывается - это юноша, подобный луне в полнолуние. И взгляд этот оставил после себя тысячу вздохов, и юноша бросил взгляд и взглянул на нее взором, оставившим после себя тысячу вздохов, и каждый из них попал в сети любви к другому.

И юноша подошел к невольницам и крикнул на них, л. они вбежали от него и остановились вдалеке, глядя, что он сделает. И вдруг он подошел к двери комнаты, открыл ее и вошел к девушке и сказал ей: "Тебя мой отец купил для меня?" И она отвечала: "Да", - и тогда юноша подошел к ней (а он был в состоянии опьянения), и взял ее ноги (и положил их себе вокруг пояса, а она сплела руки на его шее и встретила его поцелуями, вскрикиваниями и заигрываниями, и он стал сосать ел язык, и она сосала ему язык, и он уничтожил ее девственность.

И когда невольницы увидали, что их молодой господин вошел к девушке Анис аль-Джалис, они закричали и завопили, а юноша уже удовлетворил нужду и вышел, убегая и ища спасения, и бежал, боясь последствий того дела, которое он сделал. И, услышав вопли девушек, их госпожа поднялась и вышла из бани (а пот капал с нее) и спросила: "Что это за вопли в доме? и, подойдя к двум невольницам, которых она посадила у дверей комнаты, она воскликнула: - Горе вам, что случилось?" И они, увидав его, сказали: "Наш господин Нур-ад-дин пришел к нам и побил нас, и мы вбежали от него, а он вошел к Анис альДжалис и обнял се, и мы не знаем, что он сделал после этого. А когда мы кликнули тебя, он убежал". И тогда госпожа подошла к Анис аль-Джалис и спросила ее: "Что случилось?" - и она отвечала: "О госпожа, я сижу, и вдруг входит ко мне красивый юноша и спрашивает: "Тебя купил для меня отец?" И я отвечала: "Да!" - и клянусь Аллахом, госпожа, я думала, что его слова правда, - и тогда он подошел ко мне и обнял меня".

"А говорил он тебе еще что-нибудь, кроме этого?" - спросила ее госпожа, и она ответила: "Да, и он взял от меня три поцелуя". - "Он не оставил тебя, не обесчестив!" - воскликнула госпожа и потом заплакала и стала бить себя по лицу, вместе с невольницами, боясь за Нур ад-дина, чтобы его не зарезал отец.

И пока это происходило, вдруг вошел везирь и спросил, в чем дело, и его жена сказала ему: "Поклянись мне, что то, что я скажу, ты выслушаешь!" - "Хорошо", - отвечал везирь. И она повторила ему, что сделал его сын, и везирь опечалился и порвал на себе одежду и стал бить себя по лицу и выщипал себе бороду. И его жена сказала: "Не убивайся, я дам тебе из своих денег десять тысяч динаров, ее цену". И тогда везирь поднял к ней голову я сказал: "Горе тебе, не нужно мне ее цены, но я боюсь, что пропадет моя душа и мое имущество". - "О господин мой, а как же так?" спросила она. И везирь сказал:

"Разве ты не знаешь, что за нами следит враг, которого зовут аль-Муин ибн Сави? Когда он услышит об этом деле, он пойдет к султану..."

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Тридцать пятая ночь

Когда же настала тридцать пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь говорил своей жене: "Разве ты не знаешь, что за нами следит враг, по имени аль-Муин ибн Сави, и когда он услышит об этом деле, он пойдет к султану и скажет ему: "Твой везирь, который, как ты говоришь, тебя любит, взял у тебя десять тысяч динаров и купил на них девушку, равной которой никто не видел, и когда она ему понравилась, он сказал своему сыну: "Возьми ее, у тебя на нее больше прав, чем у султана". И он ее взял и уничтожил ее девственность. И вот эта невольница у него". И царь скажет: "Ты лжешь!" - а он ответит царю: "С твоего позволения, я ворвусь к нему и приведу ее тебе". И царь прикажет ему это сделать, и он обыщет дом и заберет девушку и приведет ее к султану, а тот спросит ее, и она не сможет отрицать, и аль-Муин скажет: "О господин, ты знаешь, что я тебе искренний советчик, но только нет мне у вас счастья". И султан изуродует меня, а все люди будут смотреть на это, и пропадет моя душа". И жена везиря сказала ему: "Не дай никому узнать об этом это дело случилось втайне - и вручи свое дело Аллаху в этом событии". И тогда сердце везиря успокоилось.

Вот что было с везирем. Что же касается Нур-ад-дина Али, то он испугался последствий своего поступка и проводил весь день в садах, а в конце вечера он приходил к матери и спал у нее, а перед утром вставал и уходил в сад. И так он поступал месяц, не показывая отцу своего лица. И его мать сказала его отцу: "О господин, погубим ли мы девушку и погубим ли сына? Если так будет продолжаться, то он уйдет от нас". - "А как же поступить?" - спросил ее везирь. И она сказала: "Не спи сегодня ночью и, когда он придет, схвати его - и помиритесь. И отдай ему девушку - она любит его, и он любит ее, а я дам тебе ее цену".

И везирь подождал до ночи и, когда пришел его сын, он схватил ею и хотел его зарезать, но мать Нур-ад-дина позвала его и спросила: "Что ты хочешь с ним сделать?" - "Я зарежу его", - отвечал везирь, и тогда сын спросил своего отца: "Разве я для тебя ничтожен?" И глаза везиря наполнились слезами, и он воскликнул: "О дитя любви, как могло быть для тебя ничтожно, что пропадут мои деньги и моя душа?" И юноша отвечал: "Послушай, о батюшка, что сказал поэт:

Пусть и грешен я, по всегда мужи разумные

Одаряли грешных прошением всеобъемлющим.

И на что же ныне надеяться врагам твои и,

Коль они в почине, а ты по месту превыше всех?"

И тогда везирь поднялся с груди своего сына и сказал: "Дитя мое, я простил тебя!" - и его сердце взволновалось, а сын его поднялся и поцеловал реку своего отца, и тот сказал: "О дитя мое, если бы я знал, что ты будешь справедлив к Анис аль-Джалис, я бы подарил ее тебе". - "О батюшка, как мне не быть к ней справедливым?" - спросил Нур-ад-дин.

И везирь сказал: "Я дам тебе наставление, дитя мое: не бери, кроме нее, жены или наложницы и не продавай ее". - "Клянусь тебе, батюшка, что я ни на ком, кроме нее, не женюсь и не продав ее", - отвечал Нур-ад-дин и дал в этом клятву и вошел к невольнице и прожил с нею год. И Аллах великий заставил царя забыть случай с этой девушкой.

Что же касается аль Муина ибн Сави, то до него дошла весть об этом, но он не мог говорить из-за положения везиря при султане.

А когда прошел год, везирь аль-Фадл ибн Хакан отправился в баню я вышел оттуда вспотевший, и его ударило воздухом, так что он слег на подушки, и бессонница его продлилась, и слабость растеклась по нему.

И тогда он позвал своего сына Нур-ад-дина Али и, когда тот явился, сказал ему: "О сын мой, знай, что удел распределен и срок установлен, и всякое дыхание должно испить чашу смерти". И он произнес:

"Умираю! Преславен тот, кто бессмертен!

Я уверен, что скоро мертвым я буду.

Нет в деснице владыки смертного власти,

И тому лишь присуща власть, кто бессмертен".

"О дитя мое, - сказал он потом, - нет у меня для тебя наставления, кроме того, чтобы бояться Аллаха и думать о последствиях дел, и заботиться о девушке Анис аль-Джалис". - "О батюшка, - сказал Нур-ад-дин, кто же равен тебе? Ты был известен добрыми делами и за тебя молились на кафедрах!"

И везирь сказал: "О дитя мое, я надеюсь, что Аллах меня примет!" И затем он произнес оба исповедания [64] и был приписан к числу людей блаженства.

И тогда дворец перевернулся от воплей, и весть об ртом дошла до султана, и жители города услышали о кончине аль-Фадла ибн Хакана, и заплакали о нем дети в школах. И его сын Нур-ад-дин Али поднялся и обрядил его, и явились эмиры, везири, вельможи царства и жители города, и в числе присутствующих на похоронах был везирь аль-Муин ибн Сави. И кто-то произнес при выходе похорон из дома:

"В день пятый расстался я со всеми друзьями

И мыли потом меня на досках от двери.

И сняли все то с меня, в чем прежде одет я был,

И снова надели мне одежду другую.

Снесли меня четверо на шеях в моленную,

И многие близ меня с молитвой стояли;

С молитвой нагробною, когда ниц не падают,

И все, кто мне другом был, о мне помолились.

Потом отнесли меня в жилище со сводами,

Где дверь не откроется, хоть кончится время".

И когда схоронили аль-Фадла ибн Хакана в земле и вернулись друзья и родные, Нур-ад-дин тоже вернулся со стенаниями и плачем, и язык его состояния говорил:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"В день пятый уехали они перед вечером,

Когда попрощались мы - простились и тронулись.

И только уехали - за ними душа ушла.

"Вернись", - я позвал ее, - спросила: "Куда вернусь?

В то тело, где духа нет и крови иссякнул ток,

Где кости одни теперь гремят и встречаются?"

Ослепли глаза мои от плача безмерного,

И на уши туг я стал - не слышат они теперь".

И он пребывал в глубокой печали об отце долгое время и в один из дней, когда он сидел в доме своего отца, вдруг кто-то постучал в дверь. И Нур-ад-дин Али поднялся и отворил дверь, и вошел один из сотрапезников и друзей его отца, и поцеловал Нур-ад-дину руку, и сказал: "О господин мой, кто оставил после себя подобного тебе, тот не умер, и такой же был исход для господина первых и последних. О господин, успокой свою душу и оставь печаль!"

И тогда Нур-ад-дин перешел в покой, предназначенный для сидения с гостями, и перенес туда все, что было нужно, и у него собрались его друзья, и он взял туда свою невольницу. И к нему сошлись десять человек из детей купцов, и он принялся есть кушанья и пить напитки и обновлял трапезу за трапезой и стал раздавать и проявлять щедрость.

И тогда пришел к нему его поверенный и сказал ему: "О господин мой, Нур-ад-дин, разве не слышал ты слов кого-то: "Кто тратит не считая обеднеет не зная", а поэт говорит:

Я деньги храню и дальше от них гоняю

Известно ведь мне, что дирхем - мой щит и меч моим

И если раздам я злейшим врагам богатство,

Сменю средь людей я счастье свое на юре.

Так съем же их я и выпью я их во здравье,

Не дав никому из денег моих ни фельса.

И буду хранить богатства свои от всех я,

Кто скверен душой и дружбы моей не хочет.

Приятнее так, чем после сказать дурному:

"Дай дирхем мне в долг, - я пять возвращу - до завтра.

А он отвратит лицо от меня, и будет

Душа тут моя подобна душе собаки.

Как низки мужи, лишенные состоянья,

Хоть были бы их заслуги ярки, как солнце. О господин, эти значительные траты и богатые подарки: уничтожают деньги", - сказал он потом.

И когда Нур-ад-дин Али услышал от своего поверенного эти слова, он посмотрел на него и ответил: "Из всего, что ты сказал, я не буду слушать ни слова! Я слышал, как поэт говорил:

Коль есть у меня в руках богатство и я не щедр,

Пусть будет рука больна и пусть не встает нога!

Подайте скупого мне, что славен стал скупостью,

И где, покажите, тот, что умер от щедрости!"

"Знай, о поверенный, - прибавил он, - я хочу, чтобы, если у тебя осталось достаточно мне на обед, ты не отягощал меня заботой об ужине".

И поверенный ушел от него своей дорогой, а Нур-аддин Али предался наслаждениям, ведя приятнейшую жизнь, как и прежде, и всякому из его сотрапезников, кто ему говорил: "Эта вещь прекрасна!" - он отвечал: "Она твоя как подарок". А если другое говорил: "О господин мой, такой-то дом красив!" Нур-ад-дин отвечал ему: "Он подарок тебе".

И Нур-ад-дин до тех пор устраивал для них трапезу в начале дня и трапезу в конце дня, пока не провел таким образом год. А через год, однажды, он сидит и вдруг слышит: девушка Анис аль-Джалис произносит стихи:

"Доволен ты днями был, пока хорошо жилось,

И зла не боялся ты, судьбой приносимого.

Ночами ты был храпим и дал обмануть себя,

Но часто, хоть ночь ясна, случается смутное".

Когда она кончила говорить стихотворение, вдруг постучали в дверь, и Нур-ад-дин поднялся, и кто-то из его сотрапезников последовал за ним, а он не знал этого. И, открыв дверь, Нур-ад-дин Али увидел своего поверенного и спросил его: "Что случилось?" И поверенный отвечал: "О господин мой, то, чего я боялся, - произошло". - "А как так?" - спросил Нур-ад-дин, и поверенный ответил: "Знай, что у меня в руках не осталось ничего, что бы стоило дирхем, или меньше, или больше, и вот тетрадь с расходами, которые я произвел, и записи о твоем первоначальном имуществе".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И, услышав эти слова, Нур-ад-дин Али опустил голову к земле и воскликнул: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха!"

Когда же тот человек, который тайком последовал за ним, чтобы подслушать, услыхал слова поверенного, он вернулся к своим друзьям и сказал: "Что станем делать? Нур-ад-дин Али разорился".

И когда Аля Нур-ад-дин вернулся к ним, они ясно увидели у него на лице огорчение, и тут один из сотрапезников поднялся на ноги, посмотрел на Нур-ад-дина Али и спросил: "О господин, может быть ты разрешишь мне уйти?" - "Почему это ты уходишь сегодня?" - спросил Нур-ад-дин, и гость ответил: "Моя жена рожает, и я не могу быть вдали от нее. Мне хочется пойти к ней и посмотреть ее". И Нур-ад-дин позволил ему.

Тогда встал другой и сказал: "О господин мой Нур-аддин, мне хотелось бы сегодня быть у брата - он справляет обрезание своего сына".

И каждый стал отпрашиваться, с помощью выдумки, и уходил своей дорогой, пока не ушли все, и Нур-ад-дин Али остался один.

И тогда он позвал свою невольницу и сказал ей: "О Анис аль-Джалис, не видишь ты, что меня постигло?" - и рассказал ей, о чем говорил ему поверенный. А она отвечала: "О господин, уже много ночей назад намеревалась я сказать тебе об этих обстоятельствах, но услышала, что он произнес такие стихи:

Коль щедро дарит тебя мир здешний - и ты будь щедр

На блага его ко всем, пока не изменит жизнь.

Щедроты не сгубят благ, пока благосклонна жизнь,

Когда ж отвернется жизнь, скупым не продлить ее.

И когда я услышала, что ты произносишь эти стихи, я промолчала и не обратила к тебе речи".

"О Анис аль-Джалис, - сказал ей Нур-ад-дин Али, - ты знаешь, что я раздарил свои деньги только друзьям, а они оставили меня ни с чем, но я думаю, что они не покинут меня без помощи". - "Клянусь Аллахом, - отвечала Анис аль-Джалис, - тебе не будет от них никакой пользы".

И тогда Нур-ад-дин воскликнул: "Я сейчас же пойду и постучусь к ним в дверь, быть может, мне что-нибудь от них достанется, и я сделаю это основой своих денег я стану на них торговать и оставлю развлечения и забавы".

И в тот же час и минуту он встал и шел, не останавливаясь, пока не пришел в тот переулок, где жили его десять друзей (а все они жили в этом переулке). И он подошел к первым воротам и постучал, и к нему вышла невольница и спросила его: "Кто ты?" - и он отвечал ей: "Скажи твоему господину: "Нур-ад-дин Али стоит у двери и говорит тебе: "Твой раб целует тебе руки и ожидает твоей милости".

И невольница вошла и уведомила своего господина, но тот крикнул ей: "Воротись, скажи ему: "Его нет!" И невольница вернулась к Нур-ад-дину и сказала ему: "О господин, моего господина нет".

И Нур-ад-дин пошел, говоря про себя: "Если этот, сын прелюбодеяния, и отрекся от себя, то другой не будет сыном прелюбодеяния". И он подошел к воротам второго друга и сказал то же, что говорил в первый раз, но тот тоже сказался отсутствующим, и тогда Нур-ад-дин произнес:

"Удалились те, кто, когда стоял ты у двери их,

Одарить тебя и жарким могли и мясом".

А произнеся этот стих, он воскликнул: "Клянусь Аллахом, я непременно испытаю их всех: может быть, среди них будет один, кто заступит место их всех!" И он обошел этих десятерых, но никто из них не открыл ему двери и не показался ему и не разломил перед ним лепешки, и тогда Нур-ад-дин произнес:

"Когда преуспеет муж, подобен он дереву,

И люди вокруг него, покуда плоды на нем.

По только исчезнет плод, как тотчас уходят все,

Оставив страдать его от пыли и зноя дней.

Погибель да будет всем сынам этих злых времен!

Среди десяти никто не чист помышлением".

Потом он вернулся к своей невольнице (а его горе увеличилось), и она сказала ему: "О господин, не говорила ли я, что они не принесут тебе никакой пользы!" И Нурад-дин отвечал: "Клянусь Аллахом, никто из них не показал мне своего лица, и ни один из них не признал меня". И тогда она сказала: "О господин, продавай домашнюю утварь и посуду, пока Аллах великий не приуготовит тебе чего-нибудь, и проживай одно за другим".

И Нур-ад-дин продавал, пока не продал всего, что было в доме, и у него ничего не осталось, и тогда он посмотрел на Анис аль-Джалис и спросил ее: "Что же будем делать теперь?" - "О господин, - отвечала она, - мое мнение, что тебе следует сейчас же встать и пойти со мною на рынок и продать меня. Ты ведь знаешь, что твой отец купил меня за десять тысяч динаров; быть может, Аллах пошлет тебе цену близкую к этой, а когда Аллах предопределит нам бить вместе, мы будем вместе".

"О Анис аль-Джалис, - отвечал Нур-ад-дин, - клянусь Аллахом, мне не легко расстаться с тобою на одну минуту". И она сказала ему: "Клянусь Аллахом, о господин мой, и мне тоже, но у необходимости свои законы, как сказал поэт:

Нужда порой заставляет в делах идти

Не той стезей, что прилична воспитанным.

Такого нет, чтоб решился на средство он,

Коль нет причин, подходящих для средств таких.

И тогда Нур-ад-дин поднялся на ноги и взял Анис-ал-Джалис (а слезы текли у него по щекам, как дождь) и произнес языком своего состояния:

"Постойте! Прибавьте мне хоть взгляд пред разлукою!

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Отдал им сердце я, едва не погибшее

В разлуке; по если в том для вас затруднение,

Пусть гибну от страсти я - усилий не делаете".

А затем он пошел и привел Анис аль-Джалис на рынок и отдал ее посреднику, сказав ему: "О хаджи [65] Хасан, знай цену того, что ты будешь предлагать". И посредник отвечал ему "О господин мой Нур-ад-дин, корни сохраняются!"

"Это не Анис аль-Джалис, которую твой отец купил у меня за десять тысяч динаров?" - спросил он потом, и Нур-ад-дин сказал: "Да".

Тогда посредник отправился к купцам, но увидал, что не все они собрались, и подождал, пока сошлись все купцы и рынок наполнился невольницами всех родов: из турчанок, франкских девушек, черкешенок, абиссинок, нубиянок, текрурок [66], гречанок, татарок, грузинок и других. И, увидав, что рынок полон, посредник поднялся на ноги и выступил вперед и крикнул: "О купцы, о денежные люди, не все, что крупно - орех, и не все, что продолговато, - банан; не все красное - мясо и не все белое - жир! О купцы, у меня эта единственная жемчужина, которой нет цены. Сколько же мне выкрикнуть за нее?" - "Кричи четыре тысячи динаров и пятьсот", - сказал один из купцов, и зазыватель открыл ворота торга четырьмя тысячами и пятьюстами динаров.

И когда он произносил эти слова, вдруг везирь альМуин ибн Сави прошел по рынку, и, увидав Нур-ад-дина Али, который стоял в конце рынка, он произнес про себя: "Что это ибн Хакан стоит здесь? Разве осталось у этого висельника что-нибудь, на что покупать невольниц?" И он посмотрел кругом и услышал зазывателя, который стоял на рынке и кричал, а купцы стояли вокруг него, и тогда везирь сказал про себя: "Я думаю, он наверное разорился и привел невольницу Анис аль-Джалис, чтобы продать ее".

"О, как освежает она мое сердце!" - подумал он потом и позвал зазывателя, и тот подошел к нему и поцеловал перед ним землю, а везирь сказал: "Я хочу ту невольницу, которую ты предлагаешь".

И зазыватель не мог прекословить и ответил ему: "О господин, во имя Аллаха!" - и вывел невольницу вперед и показал ее везирю.

И она понравилась ему, и он спросил: "О Хасан, сколько тебе давали за эту невольницу?" - "Четыре тысячи и пятьсот динаров, чтобы открыть торги", - отвечал посредник. И аль-Муин крикнул: "Подать мне четыре тысячи пятьсот динаров!"

Когда купцы услыхали это, никто из них не мог набавить ни дирхема, наоборот, они отошли, так как знали несправедливость везиря. А аль-Муин ибн Сави посмотрел на посредника и сказал ему: "Что же ты стоишь? Пойди предложи от меня четыре тысячи динаров, а тебе будет пятьсот динаров".

И посредник подошел к Нур-ад-дину и сказал ему: "О господин, пропала твоя невольница ни за что!" - "Как так?" - спросил Нур-ад-дин, и посредник сказал: "Мы открыли торг за нее с четырех тысяч пятисот динаров, но пришел этот злодей аль-Муин ибн Сави, который проходил по рынку, и когда он увидел эту невольницу, она понравилась ему, и он сказал мне: "Предложи от меня четыре тысячи динаров и тебе будет пятьсот динаров". Я думаю, он наверное узнал, что эта невольница твоя, и если он сейчас отдаст тебе за нее деньги - будет хорошо; но я знаю - он, по своей несправедливости, напишет тебе бумажку с переводом на кого-нибудь из своих управителей, а потом пошлет к ним, вслед за тобою, человека, который им скажет: "Не давайте ему ничего". И всякий раз, как ты пойдешь искать с них, они станут говорить тебе: "Сейчас мы тебе отдадим", - и будут поступать с тобою таким образом один день за другим, а у тебя гордая душа. Когда же им наскучат твои требования, они скажет: "Покажи нам бумажку", - и возьмут от тебя бумажку и порвут ее, и деньги за невольницу у тебя пропадут".

И, услышав от посредника эти слова, Нур-ад-дин Али посмотрел на него и сказал: "Как же поступить?" И посредник ответил: "Я дам тебе один совет, и если ты его от меня примешь, тебе будет полнейшее счастье". "Что же это?" - спросил Нур-ад-дин. "Ты подойдешь сейчас ко мне, когда я буду стоять посреди рынка, - отвечал посредник, - и возьмешь у меня из рук невольницу и ударишь ее и скажешь: "О девка, я сдержал клятву, которую дал, и привел тебя на рынок, так как поклялся тебе, что ты непременно будешь выведена на рынок и посредник станет предлагать тебя!" И если ты это сделаешь, может быть везирь и все люди попадутся на эту хитрость и подумают, что ты привел ее на рынок только для того, чтобы выполнить клятву". - "Вот это правильно!" - воскликнул Нур-ад-дин.

Потом посредник покинул его и пошел на средину рынка и, взяв невольницу за руку, сделал знак везирю аль Муину ибн Сави и сказал: "О господин, вот ее владелец подходит". А Нур-ад-дин пришел и вырвал из его рук невольницу и ударил ее и воскликнул: "Горе тебе, о девка, я привел тебя на рынок, чтобы сдержать клятву! Иди домой и не перечь мне другой раз! Горе тебе! Нужны мне за тебя деньги, чтобы я стал продавать тебя! Если бы я продал домашнюю утварь, я выручил бы много больше, чем твоя цена".

А везирь аль-Муин ибн Сави, увидав Нур-ад-дина, сказал ему: "Горе тебе, разве у тебя еще осталось что-нибудь, что продается или покупается?" И аль-Муин ибн дин хотел броситься на него, и тут купцы посмотрели на Нур-ад-дина (а они все любили его), и он сказал им: "Вот я перед вами, и вы знаете, как он жесток!" А везирь воскликнул: "Клянусь Аллахом, если бы не вы, я бы наверное убил его!" И все купцы показали Нур-ад-дину знаком глаза: "Разделайся с ним! - и сказали: - Ни один из нас не встанет между ним и тобою".

Тогда Нур-ад-дин подошел к везирю ибн Сави (а Нурад-дин был храбрее) и стащил везиря с седла и бросил его на землю. А тут была месилка для глины, и везирь упал в нее, и Нур-ад-дин стал его бить и колотить кулаками, и один из ударов пришелся ему по зубам, так что борода везиря окрасилась его кровью.

А с везирем было десять невольников, и когда они увидали, что с их господином делают такие дела, они схватились руками за рукоятки своих мечей и хотели обнажить их и броситься на Нур-ад-дина Али, чтобы разрубить его, но тут люди сказали невольникам: "Этот - везирь, а тот - сын везиря. Может быть, они в другое время помирятся, и вы будете ненавистны и тому и другому; а может бить, аль-Муину достанется ваш удар, и вы умрете самой гадкой смертью. Рассудительней будет вам не вставать между ними".

И когда Нур-ад-дин кончил бить везиря, он взял свою невольницу и пошел к себе домой, а что касается везиря, то он тотчас же ушел, и его платье стало трех цветов: черное от глины, красное от крови и пепельное.

И, увидав себя в таком состоянии, он взял кусок циновки и накинул ее себе на шею и взял в руки два пучка хальфы [67] и отправился и пришел к замку, где был султан, и закричал: "О царь времени, обиженный, обиженный!"

И его привели перед лицо султана, и тот всмотрелся и вдруг видит это старший везирь! "О везирь, - спросил султан, - кто сделал с тобою такие дела?" И везирь заплакал и зарыдал и произнес:

"Ужели меня обидит судьба, коль жив ты,

И волки меня пожрут ли, скажи, коль лев ты?

В прудах твоих напьются ведь все, кто жаждет.

Возжажду ли я под сенью твоей, коль дождь ты?

"О господин, - сказал он потом, - со всеми, кто тебя любит и служит тебе, бывает так!" И султан воскликнул: "Горе тебе, скорее скажи мне, как это с тобой случилось и кто сделал с тобою эти дела, когда уважение к тебе есть уважение ко мне!"

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"Знай, о господин, – ответил везирь, – что я сегодня вышел на рынок, чтобы купить себе рабыню-стряпуху, и увидал на рынке девушку, лучше которой я не видел в жизни. И я хотел купить ее для нашего владыки султана и спросил посредника про нее и про ее господина, и посредник сказал мне, что она принадлежит Али, сыну альФадла ибн Хакана. А наш владыка султан дал раньше его отцу десять тысяч динаров, чтобы купить на них красивую невольницу, и он купил эту невольницу, и она ему понравилась, и он поскупился на нее для владыки нашего султана и отдал ее своему сыну. А когда его отец умер, этот сын продавал все, какие у него были владения и сады и посуду, пока не разорился, и он привел невольницу на рынок, намереваясь ее продать, и отдал ее посреднику, а тот сказал ее предлагать, и купцы прибавляли за нее, пока ее цена не дошла до четырех тысяч динаров. И тогда я подумал про себя: "Куплю эту невольницу для нашего владыки султана – ведь деньги за нее поначалу были от него", и сказал: "О дитя мое, возьми от меня ее цену – четыре тысячи динаров". И когда он услышал мои слова, он посмотрел на меня и оказал: "О скверный старец, я продам ее евреям и христианам, но тебе ее не продам!" И я сказал: "Я покупаю ее не для себя, я ее покупаю для нашего владыки султана, властителя нашего благоденствия". И, услышав от меня эти слова, он рассердился и потянул меня и сбросил с коня, хотя я дряхлый старец, и бил меня своей рукою и колотил, пока не сделал меня таким, как ты видишь. И всему этому я подвергся лишь потому, что я пошел купить для тебя эту невольницу".

И везирь кинулся на землю и стал плакать и дрожать, и когда султан увидал, в каком он состоянии, и услышал его слова, жила гнева вздулась у него между глаз. И он обернулся к вельможам царства, и вдруг перед ним встали сорок человек, разящие мечами, и султан сказал им: "Сейчас же идите к дому Али ибн Хакана, разграбьте и разрушьте его и приведите ко мне Али и невольницу со скрученными руками и волоките их лицами вниз и приведите ко мне обоих!"

И они отвечали: "Внимание и повиновение!" – и надели оружие и собрались идти к дому Али Нур-ад-дина.

А у султана был один придворный по имени Алам-аддин Санджар, который раньше был невольником альФадла ибн Хакана, отца Али Нур-ад-дина, а потом его должность менялась, пока султан не сделал его своим придворным. И когда он услышал приказание султана и увидал, что враги снарядились, чтобы убить сына его господина, это было для него не легко, и он удалился от султана и, сев на коня, поехал и прибыл к дому Нур-ад-дина Али. И он постучал в дверь, и Нур-ад-дин вышел к нему и, увидев его, признал его, а Алам-ад-дин сказал: "О господин, теперь не время для приветствий и разговоров; послушай, что сказал поэт:

Спасай твою жизнь, когда поражен ты горем,

И плачет пусть дом о том, кто его построил!

Ты можешь найти страну для себя другую,

А душу найти другую себе не можешь".

"О Алам-ад-дин, что случилось?" – спросил Нур-аддин, и придворный ответил: "Поднимайся и спасай свою душу, и ты и невольница! Аль-Муин ибн Сави расставил вам есть, и когда вы попадете к нему в руки, он убьет вас обоих. Султан уже послал к вам сорок человек, разящих мечами, и, по моему мнению, вам следует бежать, прежде чем беда вас постигнет".

Потом Санджар протянул руку к своему поясу и, найдя в нем сорок динаров, взял их и отдал Нур-ад-дину и сказал: "О господин, возьми эти деньги и поезжай с ними. Будь у меня больше этого, я бы дал тебе, но теперь не время для упреков".

И тогда Нур-ад-дин вошел к невольнице и уведомил ее об этом, и она заломила руки, потом они оба тотчас же вышли за город (а Аллах опустил над ними свой покров), и пошли на берег реки, и нашли там судно, снаряженное к отплытию.

А капитан стоял посреди судна и кричал: "Кому еще нужно сделать запасы или проститься с родными или кто забыл что-нибудь нужное, – пусть делает это: мы отправляемся". И все ответили: "У нас нет больше дел, капитан". И тогда капитан крикнул команде: "Живее, отпустите концы и вырвите козья!" И Нурад-дин Али спросил его: "Куда это, капитан?" – "В Обитель Мира, Багдад", – отвечал капитан..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Тридцать шестая ночь

Когда же настала тридцать шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда капитан сказал Али Нур-ад-дину: "В Обитель Мира, город Багдад", Нур-ад-дин Али взошел на судно, и невольница взошла вместе с ним, и они поплыли и распустили паруса, и судно вышло, точно птица с парою крыльев, как сказал, и отлично сказал, кто-то:

Взгляни на корабль, и в плен возьмет тебя вид его,

Гоняется с ветром он, несясь по теченью.

И, кажется, птица он, что крылья расправила

И с неба низринулась стремительно в воду.

И судно поплыло, и ветер был хорош, и вот что случилось с ними.

Что же до того, что было с невольниками, то они пришли к дому везиря Нур-ад-дина Али, сломали двери и вошли и обошли помещение, но не напали на их след, и тогда они разрушили дом и воротились и уведомили султана, и султан воскликнул: "Ищите их, в каком бы месте они ни были!" – и невольники отвечали: "Внимание и повиновение!"

Потом везирь аль-Муин ибн Сави ушел домой (а султан наградил его почетной одеждой), и его сердце успокоилось, и султан сказал ему: "Никто за тебя не отомстит, кроме меня", – а везирь пожелал ему долгого века и жизни.

А затем султан велел кричать в городе: "О люди, все поголовно! Наш владыка султан повелел, что того, кто наткнется на Али Нур-ад-дина, сына Хакана, и приведет его к султану, он наградит почетной одеждой и даст ему тысячу динаров, а тот, кто его укроет или будет знать его место и не уведомит о нем, тот заслуживает наказания, которое его постигнет". И Нур-ад-дина Али начали искать, но о нем не пришло ни вестей, ни слухов, и вот что было с этими.

Что же касается Нур-ад-дина и его невольницы, то они благополучно достигли Багдада, и капитан сказал им: "Вот Багдад. Это безопасный город, и зима ушла от него с ее холодом, и пришло к нему время весны с со розами, и деревья в нем зацвели, и каналы в нем побежали".

И тогда Нур-ад-дин Али со своей невольницей сошел с судна и дал капитану пять динаров, и, покинув судно, они прошли немного, и судьбы закинули их к садам. И они пришли в одно место и увидали, что оно выметено и обрызгано, с длинными скамьями и висящими ведрами, полными воды, а сверху был навес из тростника, во всю длину прохода, и в начале дорожки были ворота в сад, но только запертые.

"Клянись Аллахом, это прекрасное место!" – сказал Нур-ад-дин Али своей невольнице, и она отвечала: "О господин, посидим немного на этих скамьях и передохнем". И они подошли и сели на скамью и вымыли ноги и руки, и их ударило воздухом, и они заснули (преславен тот, кто не спит!).

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

А этот сад назывался Сад Увеселения, и в нем был дворец, называемый Дворец Удовольствия и Изображений, и принадлежал он халифу Харуну ар-Рашиду. И халиф, когда у него стеснялась грудь, приходил в этот сад и во дворец и сидел там, и во дворце было восемьдесят окон, где было подвешено восемьдесят светильников, а посреди дворца был большой подсвечник из золота. И когда халиф приходил, он отдавал невольницам приказание открыть окна и приказывал девушкам и Иехаку ибн Ибрахиму анНадичу петь, и тогда его грудь расправлялась и проходила его забота.

А в саду был садовник, дряхлый старик, которого звали шейх Ибрахим, и когда он выходил по делу и видел в саду гуляющих с непотребными женщинами, он сильно сердился. И шейх Ибрахим дождался, пока в какой то день халиф пришел к нему, и рассказал ему об этом, и халиф сказал: "Со всяким, кого ты найдешь у ворот сада, делай что хочешь".

И когда настал тот день, шейх Ибрахим, садовник, - зашел, чтобы исполнить одно случившееся ему дело, и увидел этих двоих, которые спали у ворот сада, покрыты одним изаром. "Клянусь Аллахом, хорошо! - сказал он, - они не знали, что халиф дал мне разрешение и приказ убивать всех, кого я найду здесь! Но я их ужасно отколочу, чтобы никто не приближался к воротам сада". И он срезал зеленую ветку и подошел к ним и, подняв руку, так что стала видна белизна его подмышки, хотел их побить, но подумал и сказал про себя: "О Ибрахим, как ты будешь их бить, не зная их положения? Может быть, они чужеземцы или из странников и судьба закинула их сюда. Я открою их лица и посмотрю на них". И он поднял с их лиц изар и сказал себе: "Эти двое красивы, и мне но должно их бить", - и накрыл их лица и, подойдя к Нурад-дину Али, стал растирать ему ноги.

И Нур-ад-дин открыл глаза и нашел у себя в ногах дряхлого старца, имевшего вид степенный и достойный, и когда Нур-ад-дин Али устыдился и поджал ноги и сел и, взяв руки шейха Ибрахима, поцеловал их. И шейх спросил его: "О дитя мое, ты откуда?" - и Нур-ад-дин отвечал: "О господин мы чужеземцы", - и слезы избежали из его глаз. А шейх Ибрахим сказал: "О дитя мое, знай, что пророк, да благословит его Аллах и да приветствует, учил почитать чужеземца. О дитя мое, - продолжал он, - не пройдешь ли ты в сад и не погуляешь ли в нем? - тогда твоя грудь расправится".

"О господин, а чей это сад?" - спросил Нур-ад-дин, и шейх Ибрахим ответил: "О дитя мое, этот сад я получил в наследство от родных". (А при этих словах у шейха Ибрахима была та цель, чтобы они успокоились и прошли в сад.)

И, услышав слова шейха, Нур-ад-дин поблагодарил его та поднялся вместе с невольницей (а шейх Ибрахим шел впереди них), и они вошли и увидели сад, да какой еще сад! И ворота его были со сводами, точно портик, и были покрыты лозами, а виноград там был разных цветов - красный, как яхонт, и черный, как эбен. И они вошли под навес и нашли там плоды, росшие купами и отдельно, и на ветвях птиц, поющих напевы, и соловьев, повторявших разные колена, и горлинок, наполнявших голосом это место, я дроздов, щебетавших как человек, и голубей, подобных пьющему, одурманенному вином, а деревья принесли совершенные плоды из всего, что есть съедобного, и каждого плода было по паре. И были тут абрикосы - от камфарных до миндальных и хорасанских, и сливы, подобные цвету лица прекрасных, и вишни, уничтожающие желтизну зубов, и винные ягоды двух цветов - белые отдельно от красных, - и померанцы, цветами подобные жемчугам и кораллам, и розы, что позорят своей алостью щеки красивых, и фиалка, похожая на серу, вспыхнувшая огнями в ночь, и мирты и левкои и лаванда с анемонами, я эти цветы были окаймлены слезами облаков, и уста ромашек смеялись, и нарциссы смотрели на розы глазами негров, и сладкие лимоны были как чаши, а кислые - только ядра из золота. И земля покрылась цветами всех окрасок, и пришла весна, и это место засияло блеском, и поток журчал, и пели птицы, и ветер свистел, и воздух был ровный.

Потом шейх Ибрахим вошел с ними в помещение, бывшее наверху, и Нур-ад-дин увидал, как красиво это помещение, и увидел свечи, уже упомянутые, что были в окнах, и вспомнил былые пиры и воскликнул: "Клянусь Аллахом, этот покой прекрасен!" И затем они сели, и шейх Ибрахим подал им еду, и они досыта поели и вымыли руки, а затем Нур-ад-дин подошел к одному из окон и крикнул свою невольницу, и она подошла, и оба стали смотреть на деревья, обремененные всякими плодами.

А потом Нур-ад-дин обернулся к шейху Ибрахиму и спросил его: "О шейх Ибрахим, нет ли у тебя какого-нибудь питья? Ведь люди пьют, когда поедят". И шейх Ибрахим принес им воды - прекрасной, нежной и холодной, но Нур-ад-дин сказал: "О шейх Ибрахим, это не то питье, которого я хочу". "Может быть, ты хочешь вина?" - спросил шейх. И когда Нур-ад-дин ответил: "Да", - он воскликнул: "Сохрани меня от него Аллах! Я уже тринадцать лет не делал этого, так как пророк, да благословит его Аллах и да приветствует, проклял пьющих вино и тех, кто ею выжимает, продает или покупает".

"Выслушай от меня два слова", - сказал Нур-ад-дин. "Говори", - отвечал старик, и Нур-ад-дин спросил: "Если какой-нибудь проклятый осел будет проклят, случится с тобою что-нибудь от того, что он проклят?" "Нет", - отвечал старик. И Нур-ад-дин сказал: "Возьми этот динар и эти два дирхема, сядь на того осла и остановись поодаль от лавки и, когда увидишь покупающего вино, позови его и скажи: "Возьми эти два дирхема и купи мне на этот динар вина и взвали его на осла". И будет, что ты не нес вино и не покупал, и с тобой из-за этого ничего не случится".

И шейх Ибрахим воскликнул, смеясь его словам: "Клянусь Аллахом, дитя мое, я и не видал никого остроумнее тебя и не слышал речей слаще твоих!" А потом шейх Ибрахим сделал тал, как сказал ему Нур-ад-дин, и тот поблагодарил ею за это и сказал: "Теперь мы зависим от тебя, и тебе следует лишь соглашаться. Принеси нам то, что нам нужно". - "О дитя мое, - отвечал Ибрахим, - вот мой погреб перед тобою (а это была кладовая, предназначенная для повелителя правоверных), входи туда и бери оттуда, что хочешь, там больше, чем ты пожелаешь".

И Нур-ад-дин вошел в кладовую и увидал там сосуды из золота, серебра и хрусталя, выложенные разными дорогими камнями, и вынес их и расставил их в ряд и налил вино в кружки и бутылки, и он был обрадован тем, что увидел, и поражен. И шейх Ибрахим принес им плоды и цветы, а затем он ушел и сел поодаль от них, а они стали пить и веселиться.

И питье взяло над ними власть, и глаза их стали влюблено переглядываться, и волосы у них распустились, и цвет лица изменился. И шейх Ибрахим сказал себе: "Что же я сижу вдали, отчего мне не сесть возле них? Когда я встречу у себя таких, как эти двое, что похожи на две луны?"

И шейх Ибрахим подошел и сел в конце портика, и Нур-ад-дин Али сказал ему: "О господин, заклинаю тебя жизнью, подойди к нам!" - и шейх Ибрахим подошел. А Нур-ад-дин наполнил кубок, и, взглянув на шейха Ибрахима, сказал: "Выпей, чтобы посмотреть, какой у него вкус!" - "Сохрани Аллах! - воскликнул шейх Ибрахим, - я уже тринадцать лет ничего такого не делал!" И Нур-ад-дин притворился, что забыл о нем, и выпил кубок и кинулся на землю, показывая, что хмель одолел ею.

И тогда Анис аль-Джалис взглянула на шейха и сказала ему: "О шейх Ибрахим, посмотри, как этот поступил со мной", - а шейх Ибрахим спросил: "А что с ним, о госпожа?" И девушка отвечала: "Он постоянно так поступает со мною: попьет недолго и заснет, а я остаюсь одна, и нет у меня собутыльника, чтобы посидеть со мною За чашей, и некому мне пропеть над чашей". - "Клянусь, Аллахом, это нехорошо!" - сказал шейх Ибрахим (а его члены расслабли, и душа его склонилась к ней из-за ее слов). А девушка наполнила кубок и, взглянув на шейха Ибрахима, сказала: "Заклинаю тебя жизнью, не возьмешь ли ты его и не выпьешь ли? не отказывайся и залечи мое сердце".

И шейх Ибрахим протянул руку и взял кубок и выпил его, а она налила ему второй раз и поставила кубок на подсвечник и сказала: "О господин, тебе остается этот". - "Клянусь Аллахом, - ответил он, - я не могу его выпить! Довольно того, что я уже выпил!" Но девушка воскликнула: "Клянусь Аллахом, это неизбежно!" - и шейх взял кубок и выпил его, а потом она дала ему третий, и он взял его и хотел его выпить, как вдруг Нур-ад-дин очнулся и сел прямо..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Тридцать седьмая ночь

Когда же настала тридцать седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Нур-ад-дин Али очнулся и сел прямо и сказав: "О шейх Ибрахим, что это такое? Разве я только что но заклинал тебя, а ты отказался и сказал: "Я уже тринадцать лет не делал

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

этого"? И шейх Ибрахим отвечал, смущенный: "Клянусь Аллахом, я не виноват, это она сказала мне!" – и Нур-ад-дин засмеялся.

И они сели пить, и девушка сказала потихоньку своему господину: "О господин, пей и не упрашивай шейха Ибрахима пить, я покажу тебе, что с ним будет". И она принялась наливать и поить своего господина, ее господин наливал и поил ее, и так они делали раз за разом, и шейх Ибрахим посмотрел на них и сказал: "Что это за дружба! Прокляни, Аллах, ненасытного, который пьет, в нашу очередь! Не дашь ли и мне выпить, брат мой? Что это такое, о благословенны!" И они засмеялись его словам так, что опрокинулись на спину, а потом они выпили и напоили его и продолжали пить вместе, пока не прошла треть ночи.

И тогда девушка сказала: "О шейх Ибрахим, не встать ли мне, с твоего позволения, и не зажечь ли одну из этих свечей, что поставлены в ряд?" "Встань, – сказал он, – ко не зажигай больше одной свечи", – и девушка поднялась на ноги и, начавши с первой свечи, зажгла все восемьдесят, а потом села. И тогда Нур-ад-дин спросил: "О шейх Ибрахим, а что есть у тебя на мою долю? Не позволишь ли мне зажечь один из этих светильников?" – И шейх Ибрахим сказал: "Встань, зажги один светильник и не будь ты тоже назойливым". И Нур-ад-дин поднялся и, начавши с первого, зажег все восемьдесят светильников, и тогда помещение заплясало. А шейх Ибрахим, которого уже одолел хмель, воскликнул: "Вы смелее меня!" И он встал на ноги и открыл все окна, и они с ним сидели и пили вместе, произнося стихи, и дворец весь сверкал.

И определил Аллах, властный на всякую вещь (и веткой вещь он создал причину), что в эту минуту халиф посмотрел и взглянул на те окна, что были над Тигром, при свете месяца и увидел свет свечей и светильников, блиставший в реке. И халиф, бросив взгляд и увидев, что дворец в саду как бы пляшет из-за этих свечей и светильников, воскликнул: "Ко мне Джафара Бармакида!"

И не прошло мгновения, как тот уже предстал перед лицом повелителя правоверных, и халиф воскликнул: "О собака среди везирей! Ты отбираешь у меня город Багдад и не сообщаешь мне об ртом?" – "Что это за слова?" спросил Джафар. "Если бы город Багдад не был у меня отнят, – ответил халиф, – Дворец Изображений не город бы огнями свечей и светильников и не были бы открыты его окна! Горе тебе! Кто бы отважился совершить подобные поступки, если бы ты у меня не отнял халифат?"

И Джафар, у которого затряслись поджилки, спросил: "А кто рассказал тебе, что Дворец Изображений освещен и окна его открыты?" – и халиф отвечал: "Подойди ко мне и взгляни!"

И Джафар подошел к халифу и посмотрел в сторону сада и увидал, что дворец светится от свечей в темном мраке. И он хотел оправдать шейха Ибрахима, садовника: быть может, это было с его позволения, так как он увидел в этом для себя пользу, и сказал: "О повелитель правоверных, шейх Ибрахим, на той неделе, что прошла, сказал мне: "О господин мой Джафар, я хочу справить обрезание моих сыновей при жизни повелителя правоверных и при твоей жизни", – и я спросил его: "А что тебе нужно?" – и он сказал мне: "Возьми для меня от халифа разрешении справить обрезание моих детей в замке". И я отвечал ему: "Иди справляй их обрезание, а я повидаюсь с халифом и уведомлю его об этом". И он таким образом ушел от меня, а я забыл тебя уведомить".

"О Джафар, – отвечал халиф, – у тебя была передо мной одна провинность, а теперь стало две, так как ты ошибся с двух сторон: во-первых, ты не уведомил меня об этом, а с другой стороны, ты не довел шейха Ибрахима до его цели: он ведь пришел к тебе и сказал тебе эти слова только для того, чтобы намекнуть, что он хочет немного денег, и помочь себе ими, а ты ему ничего не дал и не сообщил мне об этом".

"О повелитель правоверных, я забыл", – отвечал Джафар, и халиф воскликнул: "Клянусь моими отцами и дедами, я проведу остаток ночи только возле него! Он человек праведный и заботится о старцах и факирах и созывает их, и они у него собираются, и, может быть, от молитвы кого-нибудь из них нам достанется благо в здешней и будущей жизни. И в этом деле будет для него польза от моего присутствия, и шейх Ибрахим обрадуется". "О повелитель правоверных, – отвечал Джафар, – время вечернее, и они сейчас заканчивают". Но халиф вскричал: "Хочу непременно отправиться к ним!" И Джафар умолк и растерялся и не знал, что делать.

А халиф поднялся на ноги, и Джафар пошел перед ним, и с ним был Масрур, евнух, и все трое отправились, изменив обличье, и, выйдя из дворца халифа, пошли по улицам, будучи в одежде купцов, и достигли ворот упомянутого сада. И халиф подошел и увидел, что ворота сада открыты, и удивился, и сказал: "Посмотри, Джафар! Как это шейх Ибрахим оставил ворота открытыми до этого Бремени! Не таков его обычай!"

И они вошли и достигли конца сада, остановились под дворцом, и халиф сказал: "О Джафар, я хочу посмотреть за ними, раньше чем войду к ним, чтобы взглянуть, чем они заняты, и посмотреть на старцев. Я до сих пор не слышу ни звука и никакой факир не поминает имени Аллаха".

И халиф посмотрел и увидел высокий орешник и сказал: "О Джафар, я хочу влезть на это дерево – его ветви близко от окон – и посмотреть на них", – и затем халиф полез на дерево и до тех пор цеплялся с ветки на ветку, пока не поднялся на ветвь, бывшую напротив окна. И он сел на нее и посмотрел в окно дворца и увидел девушку и юношу, подобных двум лунам (превознесен тот, кто сотворил их и придал им образ!) и увидал шейха Ибрахима, который сидел с кубком в руке и говорил: "О владычица красавиц, в питье без музыки нету счастья! Я слышал, как поэт говорил:

Пусти же вкруг большой и малый кубок,

Возьми его из рук луны светящей,

Не пей вина без музыки – я видел,

Что конь, и тот не может пить без свиста".

И когда халиф увидал, что шейх Ибрахим совершает такие поступки, жила гнева вздулась у него меж глаз" и он спустился и сказал Джафару: "Я никогда не видал праведников в таком состоянии! Поднимись ты тоже на это дерево и посмотри, чтобы не миновало тебя благословение праведных".

И, услышав слова повелителя правоверных, Джафар впал в недоумение, не зная, что делать, и поднялся на верхушку дерева и посмотрел, и вдруг видит Нур-ад-дина, шейха Ибрахима и невольницу, и у шейха Ибрахима в руках кубок. И, увидав это, Джафар убедился, что погиб, и спустился вниз и встал перед повелителем правоверных, и халиф сказал ему: "О Джафар, слава Аллаху, назначившему нам следовать явным указаниям закона!" И Джафар не мог ничего сказать от сильного смущения, а потом халиф взглянул на Джафара и сказал: "Посмотри-ка! Кто привел этих людей на это место и то ввел их в мой дворец? Но равных по красоте этому юноше и этой девушке никогда не видели мои глаза". – "Твоя правда, о владыка султан", – отвечал Джафар, который начал надеяться на прошение халифа Харуна ар Рашида, и халиф сказал: "О Джафар, поднимемся на ту ветку, что против них, и посмотрим на них!"

Оба поднялись на дерево и стали смотреть и услышали, что шейх Ибрахим говорил: "О господа мои, я оставил степенность за питьем вина, но это услаждает только при звуках струн". И Анис аль-Джалис ответила: "О шейх Ибрахим, клянусь Аллахом, будь у нас какие-нибудь музыкальные инструменты, наша радость была бы полной". И, услышав слова невольницы, шейх Ибрахим встал на ноги, и халиф сказал Джафару: "Посмотрим, что он будет делать!" – "Не знаю", – отвечал Джафар, а шейх Ибрахим скрылся и вернулся с лютней, и халиф всмотрелся в нее и вдруг видит – это лютня Абу-Исхака ан-Надима.

"Клянусь Аллахом, – воскликнул тогда халиф, – если эта невольница споет скверно, я распну вас всех, а если она споет хорошо, я их прощу и распну тебя одного". – "О боже, – сказал Джафар, – сделать так, чтобы она спела скверно!" – "Зачем?" – спросил халиф. "Чтобы ты распял нас всех, и мы бы развлекали друг друга", – отвечал Джафар, и халиф засмеялся его словам.

А девушка взяла лютню и осмотрела ее и настроила ее струны и ударила по ним, и сердца устремились к ней, а она произнесла:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"О те, кто готов помочь несчастным влюбленным!

Страстей и любви огонь и жжет и клеймит нас.

И что б вы ни сделали, мы были достойны;

Просили защиты мы - не будьте злорадны.

Ведь горе постигло нас и с ним униженье,

И все, что хотите, нам вы можете сделать.

Какая же слава вам убить нас в дому своем?

Боюсь я, что с нами вы тогда согрешите".

"Клянусь Аллахом, хорошо, о Джафар! - воскликнул халиф, - я в жизни не слышал голоса певицы, подобного этому!" А Джафар спросил: "Быть может, гнев халифа оставил его?" - "Да, оставил", - сказал халиф и спустился с дерева вместе с Джафаром, а потом он обратился к Джафару и сказал: "Я хочу войти и посидеть с ними и услышать пенье этой девушки предо мной". - "О повелитель правоверных, - отвечал Джафар, - если ты войдешь к ним, они, может быть, смутятся, а шейх Ибрахим - тот умрет от страха". Но халиф воскликнул: "О Джафар, непременно научи меня, как мне придумать хитрость и войти к ним, чтобы они не узнали меня".

И халиф с Джафаром отправились в сторону Тигра, размышляя об этом деле, и вдруг видят, рыбак стоит и ловит рыбу под окнами дворца.

А как-то раньше халиф крикнул шейха Ибрахима и спросил его: "Что это за шум я слышу под окнами дворца?" - и шейх Ибрахим ответил: "Это голоса рыбаков". И тогда халиф сказал ему: "Пойди удали их отсюда", - и рыбаков не стали туда пускать.

А когда наступила эта ночь, пришел рыбак, по имени Карим, и увидел, что ворота в сад открыты, и сказал: "Вот время небрежности! Я воспользуюсь этим и половлю теперь рыбу!" И он взял свою сеть и закинул ее в реку, и вдруг халиф, один, остановился над его головой. И халиф узнал его и сказал: "Карим!" - и тот обернулся, услышав, что его называют по имени, и когда он увидел халифа, у него затряслись поджилки, и он воскликнул: "Клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, я сделал это не для того, чтобы посмеяться над приказом, но бедность и семья побудили меня на то, что ты видишь!"

"Полови на мое имя", - сказал халиф. И рыбак подошел, обрадованный, и закинул сеть и подождал, пока она растянется до конца я установится на дне, а потом он потянул ее к себе и вытянул всевозможную рыбу.

И халиф обрадовался этому и сказал: "Карим, сними с себя одежду!" И тот скинул свое платье (а на нем был кафтан из грубой шерсти, с сотней заплаток, где было немало хвостатых вшей) и снял с головы тюрбан, который он вот уже три года не разматывал, но всякий раз, увидев тряпку, он нашивал ее на него.

И когда он скинул свой кафтан и тюрбан, халиф снял с себя две шелковые одежды - александрийскую и баальбекскую [68] - и плащ и фарджию и сказал рыбаку: "Возьми их и надень". А халиф надел кафтан рыбака и его тюрбан и прикрыл себе лицо платком и сказал рыбаку: "Уходи к своему делу", - и рыбак поцеловал ноги халифа, и поблагодарил его, и сказал:

"Ты был милостив, и не скрою я благодарности

И во всех делах целиком меня обеспечил ты.

Благодарен я на всю жизнь тебе, а когда умру,

За меня мой прах воззовет в гробу с благодарностью".

И рыбак еще не окончил своего стихотворения, как вши уже заползали по коже халифа, и тот стал хватать их с шеи правой и левой рукой и кидать, и сказал: "О рыбак, горе тебе, поистине много вшей в этом кафтане!" - "О господин, отвечал рыбак, - сейчас тебе больно, а пройдет неделя, и ты не будешь чувствовать их и не станешь о них думать". И халиф засмеялся и воскликнул: "Горе тебе! Оставлю я этот кафтан на теле!" - "Я хочу сказать тебе слово, - сказал рыбак. "Говори, что у тебя есть", - отвечал халиф. "Мне пришло на ум, о повелитель правоверных, - сказал рыбак, что раз ты захотел научиться ловить рыбу, чтобы у тебя было в руках полезное ремесло, этот кафтан тебе подойдет".

И халиф засмеялся словам рыбака, а затем рыбак повернул своей дорогой, а халиф взял корзину с рыбой, положил сверху немного зелени и пришел с нею к Джафару к остановился перед ним. И Джафар подумал, что это Карим, рыбак, и испугался за него и сказал: "Карим, что привело тебя сюда? Спасайся! Халиф сегодня в саду, и если он тебя увидит - пропала твоя шея". И, услышав слова Джафара, халиф рассмеялся, и когда он рассмеялся, Джафар узнал его и сказал: "Быть может, ты наш владыка султан?" - "Да, Джафар, - отвечал халиф, - ты мой везирь, и мы с тобой пришли сюда, а ты меня не узнал; гик как же узнает меня шейх Ибрахим, да еще пьяный? Стой на месте, пока я не вернусь к тебе!" И Джафар отвечал: "Слушаю и повинуюсь!"

И потом халиф подошел к дверям дворца и постучал легким стуком, и Нур-ад-дин сказал: "Шейх Ибрахим, в двери дворца стучат". - "Кто у дверей?" - спросил шейх Ибрахим. И халиф сказал: "Я, шейх Ибрахим", - и тог спросил: "Кто ты?" - и халиф ответил: "Я, Карим, рыбак. Я услышал, что у тебя гости, и принес тебе немного рыбы. Она хорошая".

И, услышав упоминание о рыбе, Нур-ад-дин и его невольница обрадовались и сказали: "О господин, открой ему, и пусть он принесет нам свою рыбу". И шейх Ибрахим открыл дверь, и халиф вошел, будучи в обличий рыбака, и поздоровался первым, и шейх Ибрахим сказал ему: "Привет вору, грабителю и игроку! Пойди покажи нам рыбу, которую ты принес!" И халиф показал им рыбу, и они посмотрели и видят - рыба живая, шевелится, и тогда невольница воскликнула: "Клянусь Аллахом, господин, эта рыба хороша! Если бы она была жареная!""Клянусь Аллахом, госпожа моя, ты права! ответил шейх Ибрахим и затем сказал халифу: Почему ты не принес эту рыбу жареной? Встань теперь, изжарь ее и подай нам". - "Сейчас я вам ее изжарю и принесу", - отвечал халиф, и они сказали: "Живо!"

И халиф побежал бегом и, придя к Джафару, крикнул: "Джафар!" - "Да, повелитель правоверных, все хорошо?" - ответил Джафар, и халиф сказал: "Они потребовали от меня рыбу жареной". - "О повелитель правоверных, сказал Джафар, - подай ее, я им ее изжарю". Но халиф воскликнул: "Клянусь гробницей моих отцов и дедов, ее изжарю только я, своей рукой!"

И халиф подошел к хижине садовника и, поискав там, нашел все, что ему было нужно, даже соль, шафран и майоран и прочее и, подойдя к жаровне, повесил сковороду и хорошо поджарил рыбу, а когда она была готова, положил ее на лист банана, и взял из сада лимон и сухих плодов, и принес рыбу и поставил ее перед ними.

И девушка с юношей и шейх Ибрахим подошли и стали есть, а покончив с сдой, они вымыли руки, и Нурад-дин сказал: "Клянусь Аллахом, рыбак, ты оказал нам сегодня вечером прекрасную милость!" И он положил руку в карман и вынул ему три динара из тех динаров, что дал ему Санджар, когда он выходил в путешествие, и сказал: "О рыбак, извини меня! Если бы ты знал меня до того, что со мной случилось, я бы, наверное, удалил горечь бедности из твоего сердца, но возьми это по мере благословения Аллаха!" И он кинул динары халифу, и халиф взял их и поцеловал и убрал (а при всем этом халиф желал только послушать девушку, когда она будет петь).

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И халиф сказал Нур-ад-дину: "Ты поступил хорошо и был милостив, но я хочу от твоей всеобъемлющей милости, чтобы эта девушка спела нам песню, и я бы послушал". И тогда Нур-ад-дин сказал: "Анис аль-Джалис!" - и она отвечала: "Да!" - а он сказал ей: "Заклинаю тебя жизнью, спой нам что-нибудь ради этого рыбака, он хочет тебя послушать!"

И, услышав слова своего господина, девушка взяла лютню, настроила се струны, прошлась по ним и произнесла:

"О гибкая! Пальцами коснулась струн она

И душу похитила, до них лишь дотронувшись.

Запела, и пением вернула оглохшим слух,

И крикнул: "Поистине, прекрасно!" - немой тогда.

А потом она заиграла на диковинный лад, так что ошеломила умы, и произнесла такие стихи:

"Вы почтили нас, избрав жилищем город наш,

И прогнал ваш блеск потемки мрачной ночи.

Так пристойно мне надушить мой дом и мускусом,

И камфарой, и розовой водою".

И халиф пришел тут в восторг, и волнение одолело его, и от сильного восторга он не мог удержаться и воскликнул: "Хорошо, клянусь Аллахом! хорошо, клянусь Аллахом! хорошо, клянусь Аллахом!" - а Нур-ад-дин спросил его: "О рыбак, понравилась ли тебе невольница?" И халиф отвечал: "Да, клянусь Аллахом!" - и тогда Нур-аддин сказал: "Она мой подарок тебе, - подарок благородного, который не отменяет подарков и не берет обратно даров".

И затем Нур-ад-дин поднялся на ноги и, взяв плащ, бросил его рыбаку и велел ему выйти и уходить с девушкой, и девушка посмотрела на Нур-ад-дина и сказала: "О господин, ты уходишь не прощаясь! Если уже это неизбежно, постой, пока я с тобой прощусь и изъясню тебе свое состояние". И она произнесла такие стихи:

"Тоска и страдание и память о днях былых

Мне тело измучили и сделали призраком.

Любимый, не говори: "Без нас ты утешишься".

В одном положенье я - страданья не кончились.

И если бы кто-нибудь мог плавать в слезах своих,

Наверно была б я тем, кто первый в слезах поплыл.

О те, к кому страсть теперь владеет душой моей,

Как смесь из вина с водой над чашею властвует

Разлука приблизилась, которой боялась я,

О ты, к кому страсть с душой и сердцем игру вела!

О славный Хакана сын, нужда и мечта моя!

О ты, к кому страсть души на миг не оставила!

Ты ради меня врагом царю и владыке стал

И ныне вдали живешь от близких и родины.

Не дай же Аллах тебе, владыка, скучать по мне!

Кариму ты дал меня, да будет прославлен он".

И когда она окончила стихотворение, Нур-ад-дин ответил ей такими стихами:

"В день разлуки она со мною простилась

И сказала, в волнении страсти рыдая:

"Что же будешь, когда уйду я, ты делать!"

Я ответил: "Спроси того, кто не умер".

И когда халиф услышал в стихах ее слова: "Кариму ты дал меня", - его стремление к ней увеличилось, но ему стало тяжело и трудно разлучить их, и он сказал юноше: "Господин мой, девушка упомянула в стихах, что ты стал врагом ее господину и обладателю. Расскажи же мне, с кем ты враждовал и кто тебя разыскивает". - "Клянусь Аллахом, о рыбак, - отвечал Нур-ад-дин, - со мной и с этой невольницей произошла удивительная история и диковинное дело, и будь оно написано иглами в уголках глаза, оно бы послужило назиданием для поучающихся!" И халиф спросил: "Не расскажешь ли ты нам о случившемся с тобою деле и не осведомишь ли нас о твоей истории? Быть может, тебе будет в этом облегчение, ведь помощь Аллаха близка". - "О рыбак, - спросил тогда Нур-ад-дин, - выслушаешь ли ты наш рассказ в нанизанных стихах в рассыпанной речи?" И халиф ответил: "Рассыпанная речь - слова, а стихи - нанизанные жемчужины".

И тогда Нур-ад-дин склонил голову к земле и произнес такие стихи:

"Друг любимый, со сном давно я расстался,

И безмерно вдали от родины горе.

Мой родитель любил меня и был нежен,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

По оставил меня и лег он в могилу.

И случилось потом со мной дел немало,

И разбили совсем они мое сердце.

Приобрел мне рабыню он с нежным телом,

Ветви ивы смущает стан ее гибкий.

И наследство потратил я на рабыню

Или щедро раздал его благородным.

И в заботе я свел ее на продажу,

Хоть страдать от разлуки с ней не хотел я.

Но как только воззвал о ней зазыватель,

Набавлять стал старик один развращенный.

И разгневан я был тогда сильным гневом

И рабыню из рук наемников вырвал.

И ударил злодей меня в сильной злобе,

И огнями раздора тут запылал он.

И рукой я от гнева бил его правой,

Вместе с левой, пока душа исцелилась.

И в испуге домой тогда я вернулся,

И укрылся, врагов боясь, в своем доме.

И правитель велел тотчас захватить нас,

Но привратник пришел ко мне благородный,

Намекая, чтоб дальше я удалился

И исчез бы, завистникам на несчастье.

И ушли мы, покинув дом темной ночью,

И хотели жилья искать мы в Багдаде.

Лет со мною былых богатств уже больше,

Сверх того, что я дал, рыбак, тебе раньше.

Но даю я тебе любимую сердца

Будь уверен, что душу я тебе отдал",

И когда он кончил свои стихи, халиф сказал ему: "О господин мой Нур-ад-дин, изложи мне твое дело", - и Нур-ад-дин рассказал ему свою историю с начала до конца. И когда халиф понял, каково его положение, он спросил: "Куда ты сейчас направляешься?" - "Земля Аллаха обширны", - отвечал Нур-аддин. И халиф сказал: "Вот я напишу тебе бумажку, доставь ее султану Мухаммеду ибн Сулейману аз-Зейни, и когда он прочтет ее, он ничем тебе не повредит и не обидит тебя..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Тридцать восьмая ночь

Когда же настала тридцать восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф сказал Нур-ад-дину Али: "Я напишу тебе записку, которую ты доставишь султану Мухаммеду ибн Сулейману аз-Зейни, и когда он прочтет ее, ее не сделает тебе вреда". И Нур-ад-дин Али воскликнул: "А разве есть в мире рыбак, который переписывается с царями? Подобной вещи не бывает никогда!" - "Ты прав, - отвечал халиф, - но я скажу тебе причину: знай, что мы с ним читали в одной школе у одного учителя, и я был его старшим, а впоследствии его настигло счастье, и он стал султаном, а мою судьбу Аллах переменил и сделал меня рыбаком. По я не посылал к нему с просьбой без того, чтобы он не исполнил ее, и если бы я каждый день посылал ему тысячу просьб, он бы их наверное исполнил".

И, услышав его слова, Нур-ад-дин сказал: "Хорошо, пиши, а я посмотрю". И халиф взял чернильницу и калам и написал славословия, а вслед за тем: "Это письмо от Харуна ар-Рашида, сына аль-Махди, его высочеству Мухаммеду ибн Сулейману аз-Зейни, охваченному моей милостью, которого я сделал моим наместником над частью моего государства. Это письмо достигнет тебя вместе с Нур-ад-дином Али ибн Хаканом, сыном везиря, и в тот час, когда он прибудет к вам, сложи с себя власть и назначь его, и не перечь моему приказу. Мир тебе!"

Потом он отдал письмо Нур-ад-дину Али ибн Хакану, и Нур-ад-дин взял письмо и поцеловал его и положил в тюрбан и тотчас же отправился в путь, вот что с ним было.

Что же касается халифа, то шейх Ибрахим посмотрел на него, когда он был в образе рыбака, и воскликнул: "О самый низкий из рыбаков, ты принес нам пару рыб, стоящих двадцать полушек, взяв три динара, и хочешь забрать и девушку тоже!" И халиф, услышав его слова, закричал на него и кивнул Масруру, и тот показался и ринулся на шейха. А Джафар послал одного мальчика из детей, бывших в саду, к дворцовому привратнику и потребовал от него царскую одежду, и мальчик ушел и принес одежду и поцеловал землю между руками халифа, и халиф снял то, что было на нем, и надел ту одежду.

А шейх Ибрахим сидел на скамеечке, и халиф стоял и смотрел, что будет, и тут шейх Ибрахим оторопел и растерялся и стал кусать пальцы, говоря: "Посмотри-ка! Сплю я или бодрствую?" - "О шейх Ибрахим, что означает твое состояние?" - спросил халиф, и тогда шейх Ибрахим

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
очнулся от опьянения и кинулся на землю и произнес:

"Прости мне проступок мой, - споткнулась моя нога,

Ведь ищет раб милости всегда у господ своих.

А сделал, что требует проступок, признавшись в нем,

Но где ж то, что требуют прощенье и милости?"

И халиф простил его и приказал, чтобы девушку доставили во дворец, и когда она прибыла во дворец, халиф отвел отдельное помещение ей одной и назначил людей, чтобы ей служить, и сказал ей: "Знай, что я послал твоего господина султаном в Басру, и, если захочет Аллах великий, мы отправим ему почетную одежду и отошлем тебя к нему". Вот что случилось с этими.

Что же касается Нур-ад-дина Али ибн Хакана, то он ехал не переставая, пока не достиг Басры, а потом он пришел ко дворцу султана и издал громкий крик, и султан услышал его и потребовал к себе. И представ между его руками, Нур-ад-дин поцеловал землю и вынул бумажку и подал ее ему, и когда султан увидел заглавные строки письма, написанные почерком повелителя правоверных, он поднялся и встал на ноги и поцеловал их три раза и воскликнул: "Внимание и повиновение Аллаху великому и повелителю правоверных!"

Потом он призвал четырех судей и эмиров и хотел снять с себя власть, но вдруг явился везирь - тот, альМуин ибн-Сави. И султан дал ему бумажку, и везирь, прочтя ее, изорвал ее до конца и взял в рот и разжевал и выбросил, и султан крикнул ему, разгневанный: "Горе тебе, что тебя побудило к таким поступкам?" А везирь отвечал ему: "Клянусь твоей жизнью, о владыка султан, этот не видался не с халифом, ни с его везирем. Это висельник, злокозненный дьявол; ему попалась какая-то пустая бумажка, написанная почерком халифа, и он приспособил ее к своей цели. И халиф не посылал его взять у тебя власть, и у него нет ни благородного указа, ни грамоты о назначении. Он не пришел от халифа, никогда, никогда, никогда! И если бы это дело случилось, халиф бы наверное прислал вместе с ним придворного или везиря, по он пришел один".

"Так как же поступить?" - спросил султан, и везирь сказал: "Отошли этого юношу со мною, - я возьму его от тебя и пошлю его с придворным в город Багдад. И если его слова правда, он привезет нам благородный указ и грамоту; если же он не привезет их, я возьму должное с этого моего обидчика". И, услышав слова везиря альМуина ибн Сави, султан сказал: "Делай с ним что хочешь!"

И везирь взял его от султана и отвел в свой дом " крикнул своих слуг, и они разложили его и били, пока он не обеспамятел. И он наложил ему на ноги тяжелые оковы и привел его в тюрьму и крикнул тюремщика, и тот пришел и поцеловал землю между руками везиря (а этого тюремщика звали Кутейт). И везирь сказал ему: "О Кутейт, я хочу, чтобы ты взял и бросил его в один из подвалов, которые у тебя в тюрьме, и пытал бы его ночью и днем!" И тюремщик отвечал: "Внимание и повиновение!"

А потом тюремщик ввел Нур-ад-дина в тюрьму и запер дверь, и после этого он велел обмести скамью, стоявшую за дверью, и накрыть ее подстилкой и ковром и посадил на нее Нур-ад-дина и расковал его оковы и был к нему милостив. И везирь каждый день посылал к тюремщику и приказывал ему бить Нур-ад-дина, но тюремщик защищал его от этого в течение сорока дней.

А когда наступил день сорок первый, от халифа пришли подарки, и, увидав их, султан был ими доволен и посоветовался с везирем относительно них, и кто-то сказал: "А может быть, это подарки для нового султана?" И сказал везирь аль-Муин ибн Сави: "Самым подходящим было бы убить его в час его прибытия". И султан воскликнул: "Клянусь Аллахом, ты напомнил мне о нем! Пойди приведи его и отруби ему голову". И везирь отвечал: "Слушаю и повинуюсь! - и поднялся и сказал: Я хочу, чтобы в городе кричали: "Кто хочет посмотреть на казнь Нур-ад-дина пль ибн Хакана, пусть приходит ко дворцу!" И придет и сопровождающий и сопровождаемый, чтобы посмотреть, и я исцелю свою душу и повергну в горе Завистников". - "Делай что хочешь", - сказал ему султан.

И везирь пошел, счастливый и радостный, и пришел к вали и велел ему кричать, как мы упомянули.

А когда люди услышали глашатая, они огорчились и заплакали - все, даже мальчики в школах и торговцы в лавках. И люди вперегонки побежали захватить места, чтобы посмотреть на это, а некоторые пошли к тюрьме, чтобы прийти с Нур-ад-дином. Везирь же отправился с десятью невольниками в тюрьму, и тюремщик Кутейт спросил его: "Что ты хочешь, наш владыка везирь?" - "Приведи мне этого висельника", - сказал везирь, и тюремщик ответил: "Он в самом зловещем положении - так много я его бил".

А потом тюремщик вошел и увидел, что Нур-ад-дин говорит такие стихи:

"Кто поможет мне, кто поддержку даст мне в горе?

Велика болезнь, нелегко найти лекарство.

Истомило сердце и душу мне отдаление

И друзей моих судьба сделала врагами.

И найду ль среди вас я, о люди, друга мне нежного,

Чтоб мог сжалиться и ответить он на зов мой?

Как ничтожна смерть для меня теперь с забытьем ее,

И на благо жизни пресек давно я надежду.

О господь мой, тем, кто ведет нас всех, благовсстником,

Тобой избранным, океаном знаний, владыкою

Всех ходатаев заклинаю я - отпусти мне грех

И спаси меня и тоску и горе смягчи мне".

И тогда тюремщик снял с него чистую одежду, надел на него две грязные рубахи и отвел его к везирю, и Нурад-дин посмотрел, и вдруг видит, что это его враг, который стремится его убить. И, увидав его, он заплакал и спросил его: "Разве ты в безопасности от судьбы? Или не слышал ты слов поэта:

Где теперь Хосрои, где деспоты эти первые,

Что собрали клады? Но нет тех кладов и их уж нет!"

"Знай о везирь, - сказал он потом, - что лишь Аллах, да будет он превознесен и прославлен, творит то, что хочет". И везирь возразил: "О Али, ты пугаешь меня этими словами? Я сегодня отрублю тебе голову наперекор жителям Басры и не стану раздумывать, и пусть судьба делает что хочет. Я не посмотрю на твои увещания и посмотрю лишь на слова поэта:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Пускай судьба так делает, как хочет,

Спокоен будь о том, что судьба свершила.

А как прекрасны слова другого:

Кто прожил после врагов своих

Хоть день - тот цели достиг уже".

И потом везирь приказал своим слугам взвалить Нурад-дина на спину мула, и слуги, которым было тяжело это сделать, сказали Нур-ад-дину: "Дай нам побить его камнями и разорвать его, если даже пропадут наши души". Ко Нур-ад-дин Али отвечал им: "Ни за что не делайте этого. Разве вы не слышали слов поэта, сказавшего:

Прожить я должен срок, судьбой назначенный,

А кончится ряд дней его - смерть мне,

И если б львы меня втащили в логово

До времени меня не сгубить им".

И потом они закричали о Нур-ад-дине: "Вот наименьшее воздаяние тому, кто возводит на царей ложное!" И его до тех пор возили по Басре, пока не остановились под окнами дворца, и тогда его поставили на ковре крови, и палач подошел к нему и сказал: "О господин мой, я подневольный раб в этом деле. Если у тебя есть какое-нибудь желание - скажи мне, и я его исполню: твоей жизни осталось только на то время, пока султан не покажет из окна лицо".

И тогда Нур-ад-дин посмотрел направо и налево и назад и вперед и произнес:

"Я видел - уж тут палач, и меч, и ковер его

И крикнул: "Унижен я и в горе великом!

Ужель не поможет мне средь вас благосклонный друг?

Спросил я, - так дайте же на призыв ответ мне".

Прошло уж мне время жить, и гибель пришла моя;

Но кто ради райских благ меня пожалеет

И взглянет, каков я стал, и муки смягчит мои,

И чашу с водой мне даст, чтоб меньше страдал я?"

И люди стали плакать о нем, и палач встал и взял чашку воды и подал ее Нур-ад-дину, но везирь поднялся с места и ударил рукой кружку с водой и разбил ее и закричал на палача, приказывая ему отрубить голову Нур-ад-дину.

И тогда палач завязал Нур-ад-дину глаза, и народ закричал на везиря, и поднялись вопли и умножились вопросы одних к другим, и когда все это было, вдруг взвилась пыль, и клубы ее наполнили воздух и равнину.

И когда увидел это султан, который сидел во дворце, он сказал им: "Посмотрите, в чем дело", - а везирь воскликнул: "Отрубим этому голову сначала!" Но султан возразил: "Подожди ты, пока увидим, в чем дело".

А эта пыль была пыль, поднятая Джафаром Бармакидом, везирем халифа, и теми, кто был с ним, и причиной их прихода было то, что халиф провел тридцать дней, не упоминая о деле Али ибн Хакана, и никто ему о нем не говорил, пока он не подошел в какую-то ночь к комнате Анис аль-Джалис и не услышал, что она плачет и произносит красивым и приятным голосом слова поэта:

"Твой призрак всегда, вдали и вблизи, со мною,

А имя твое не может язык покинуть".

И ее плач усилился, и вдруг халиф открыл дверь и вошел в комнату и увидел Анис аль-Джалис, которая плакала, а она, увидав халифа, упала на землю и поцеловала его ноги три раза, а потом произнесла:

"О ты, кто корнями чист и славен рождением,

О ветвь плодов вызревших, о древо цветущее!

Напомню обет тебе, что дать соизволил ты,

Прекрасный по качествам. Побойся забыть его!"

И халиф спросил ее: "Кто ты?" - и она сказала:

"Я подарок тебе от Али ибн Хакана и хочу исполнения обещания, данного мне тобою, что ты пошлешь меня к нему с почетным подарком; я здесь теперь уже тридцать дней не вкусила сна".

И тогда халиф потребовал Джафара Бармакида и сказал ему: "Джафар, я уже тридцать дней не слышу вестей об Али ибн Хакане, и я думаю, что султан убил его. Но, клянусь жизнью моей головы и гробницей моих отцов и дедов, если с ним случилось нехорошее дело, я непременно погублю того, кто был причиною этому" хотя бы он был мне дороже всех людей! Я хочу, чтобы ты сейчас же поехал в Басру и привез сведения о правителе Мухаммеде ибн Сулеймане аз-Зани и об Али ибн Хакане. Если ты пробудешь в отсутствии дольше, чем требует расстояние пути, - прибавил халиф, - я снесу тебе голову.

Ты знаешь, о сын моего дяди, о деле Нур-ад-дина Али и о том, что я послал его с письмом от меня. И если ты увидишь, о сын моего дяди, что правитель поступил не согласно с тем, что я послал сообщить ему, вези его и вези также везиря аль-Муина ибн Сави в том виде, в каком ты их найдешь. И не отсутствуй больше, чем того требует расстояние пути".

И Джафар отвечал: "Внимание и повиновение!" - и затем он тотчас же собрался и ехал, пока не прибыл в Басру, и, обгоняя друг друга, устремились к царю Мухаммеду ибн Сулейману аз-Зейни вести о прибытии Джафара Бармакида.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И Джафар прибыл и увидал эту смуту, беспорядок и давку, и тогда везирь Джафар спросил: "Отчего эта давка?" И ему рассказали, что происходит с Нур-ад-дином Али ибн Хаканом, и, услышав их слова, Джафар поспешил подняться к султану и приветствовал его и осведомил его о том, зачем он приехал и о том, что если с Али ибн Хаканом случилось дурное дело, султан погубит тех, кто был причиной этому. После этого он схватил султана и везиря аль-Муина ибн Сави и заточил их и приказал выпустить Нур-ад-дина Али ибн Хакана и посадил его султаном на место султана Мухаммеда ибн Сулеймана аз-Зейни.

И он провел в Басре три дня - время угощения гостя, - а когда настало утро четвертого дня, Али ибн Хакан обратился к Джафару и сказал ему: "Я чувствую желание повидать повелителя правоверных". И Джафар сказал тогда царю Мухаммеду ибн Сулейману аз-Зейни: "Снаряжайся в путь, мы совершим утреннюю молитву и поедем в Багдад", - и царь отвечал: "Внимание и повиновение!"

И они совершили утреннюю молитву, и все поехали, и с ними был везирь аль-Муин ибн Сави, который стал раскаиваться в том, что он сделал. А что касается Нур-аддина Али ибн Хакака, то он ехал рядом с Джафаром, и они ехали до тех пор, пока не достигли Багдада, Обители Мира.

После этого они вошли к халифу и, войдя к нему, рассказали о деле Нур-ад-дина и о том, как они нашли его близким к смерти. И тогда халиф обратился к Али ибн Хакану и сказал ему: "Возьми этот меч и отруби им голову твоего врага".

И Нур-ад-дин взял меч и подошел к аль-Муину ибн Сави, и тот посмотрел на него и сказал: "Я поступил по своей природе, ты поступи по своей". И Нур-ад-дин бросил меч из рук и посмотрел на халифа и сказал: "О повелитель правоверных, он обманул меня этими словами! - И он произнес:

Обманул его я уловкою, как явился он,

Ведь свободного обмануть легко речью сладкою".

"Оставь его ты, - сказал тогда халиф и крикнул Масрур, - О Масрур, встань ты и отруби ему голову!" - и Масрур встал и отрубил ему голову.

И тогда халиф сказал Али ибн Хакану: "Пожелай от меня чего-нибудь". "О господин мой, - отвечал Нурад-дин, - нет мне нужды владеть Басрой, я хочу только быть почтенным службою тебе и видеть твое лицо". И халиф отвечал: "С любовью и удовольствием!"

Потом он позвал ту невольницу, Анис аль-Джалис, и она появилась перед ним, и халиф пожаловал их обоих и дал им дворец из дворцов Багдада и назначил им выдачи, а Нур-ад-дина он сделал своим сотрапезников, и тот пребывал у него в приятнейшей жизни, пока не застигла его смерть".